

Наталья Калинина

У судьбы две руки

Наталья Дмитриевна Калинина

У судьбы две руки

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21124214

У судьбы две руки: роман / Наталья Калинина: Э; Москва; 2017

ISBN 978-5-04-089893-0

Аннотация

Когда-то очень давно прекрасная Элизабет полюбила знатного сеньора Диего де ла Торре и заплатила за это чувство собственной жизнью. Уже в наши дни рыжеволосую Алину, скрывающуюся от жизненных разочарований в тихом горном поселке, посещают видения, связанные с жизнью Элизабет. Постепенно девушка понимает, что прошлое странным образом связано с настоящим, а поселок, где она поселилась, хранит свою страшную тайну и вовсе не такой мирный, как кажется с первого взгляда. Алину ждут тяжелые испытания, потери и... неожиданные приобретения. Ведь у судьбы – две руки, дающая и отнимающая.

Содержание

1	4
2	22
3	41
4	55
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Наталья Калинина

У судьбы две руки

1

Капельки росы блестели в уголках паутины, подобно крошечным алмазам. Если бы не они, заметить тончайшую сеть, натянутую между нейлоновыми веревками, оказалось бы непросто. Впрочем, за месяц, что Алина жила в доме, у нее вошло в привычку, прежде чем развешивать белье, внимательно осматривать углы сушилки. Одним концом толстой трубы приспособление, похожее на выгнутый остов зонта, вращало в бетонный куб, от другого укропным венчиком расходились «спицы». И там, у основания «венчика», в дерматиновой обмотке прятался от утреннего солнца паучок.

– Опять вы за свое, Василий Степанович! – мягко пожуривала его Алина, снимая сухой веткой идеально вытканную паутину. Не так давно паучок неосторожно показался из своего убежища, и Алина переселила его на жасминовый куст. Вынужденным переездом паук оскорбился, не прошло и дня, как он вернулся в свое старое жилище и с тех пор «троллил» девушку тем, что за ночь успевал оплести сетями все стороны сушилки. Алина терпеливо снимала палкой «художества» Василия Степановича, а на следующее утро на месте

каждой снятой паутинки получала две новые.

– Красота! – выдохнула с улыбкой Алина и замерла с влажным полотенцем в руках. С этой площадки на верхней «террасе» каменистого сада открывался картинный вид на море. Его цвет менялся от бледно-серого до почти черного в дождливые дни, а в ясные – от голубого до насыщенного синего. Сегодня море сливалось с чистым небом в единое полотно, однородность которого нарушали лишь белые завитки облаков да солнечные отблески на водной глади. Алина без спешки развешивала белье, подставляя под поцелуи апрельского солнца побледневшие за зиму веснушки и позволяя шаловливому ветерку играть с растрепавшимися локонами. Она расправила на веревке белую простыню, и ветер тут же надул ту словно парус.

– Вышли бы вы наружу, Василий Степанович, погода такая хорошая! Не трону я вас, – пообещала Алина, беря в руки пустой таз. Паучок то ли ее не услышал, то ли проигнорировал. Зато на забор вспрыгнул серый в темную полосу кот и, повернувшись спиной к морю, принялся вылизывать лапу.

– Жорик, а твой хозяин где? – спросила Алина, только сейчас она поняла, что еще не видела соседа. Обычно старик Кириллов поднимался ни свет ни заря. В любой день, хоть дождливый и ветреный, с его двора доносились шарканье метлы, стук топора, сухой треск раскалываемых полешек и другие уютные шумы, сопровождающие домашние хлопоты. Старик Кириллову стукнуло уже под восемьдесят, но энер-

гии у него было как у молодого. Ежедневно после домашней работы сосед выпивал чашку сладкого чая, а затем совершал двухчасовой променад – к морю и обратно в гору. Перед прогулкой он обязательно заглядывал к Алине и спрашивал, не нужно ли той купить хлеба, потому что единственная булочная находилась под горой. Но сегодня старик Кириллов впервые за то время, что Алина его знала, не вышел утром во двор. Не раздавалось из-за забора привычного насвистывания и шороха метлы. Тишина, нарушаемая лишь легким шелестом листвы, с учетом этих обстоятельств из умиротворяющей сделалась тревожной. Алина торопливо отнесла таз, сунула в карман куртки кошелек с ключами и вышла на улицу.

Она отворила калитку и пересекла соседский двор, отметив валяющиеся на земле возле пня, на котором сосед обычно рубил дрова, топор и целое полено. Чтобы старик, так бережно относящийся к своему имуществу, да бросил инструмент? Алина подняла топор и аккуратно положила его на пень. То, что дверь в дом оказалась приоткрытой, но за нею также царила тишина, встревожило девушку еще больше.

– Петр Евсеевич! – громко позвала она в проем.

– Алиночка, ты? – раздался приглушенный голос соседа, оборвавшийся неожиданным оханьем. – Заходи, милая.

Старика Алина нашла в небольшой гостиной, в которую вел короткий коридор. Кириллов сидел на диване, завалившись набок, и тер рукой поясницу.

– Напасть какая приключилась. Вот, представь себе, – проворчал вместо приветствия он, – замахнулся топором, а тут спину раз – и прострелило. Кое-как доковылял до дивана, а вот с него теперь – никуда.

– Вызвать врача? – предложила Алина, вздохнув про себя с облегчением. Радикулит – это, конечно, напасть та еще, но она боялась другой беды, куда худшей. Сосед хоть и хвалится тем, что сердце у него – как мотор, но возраст все же коварно берет свое.

– Да ну брось ты, – отозвался Кириллов. – Придумала – врач! Из-за такой ерунды. Настойка у меня на травах и перце, ею и разотрусь. Да в платок из собачьей шерсти, который еще моя Варенька вязала, укутаюсь. А завтра как огурчик буду!

– Где ваша настойка? – спросила Алина.

– Вон в том шкафу.

– Давайте я вас разотру, – предложила гостя, отыскав обычную водочную бутылку с темным содержимым в ней.

– Ты мне просто на ладонь полей, я сам дотянусь. Лучше поищи в одежном шкафу платок. На верхней полке он.

Алина помогла старику повязать на поясицу платок и сесть поудобней, а затем приготовила чашку чая и намазала, как любил Петр Евсеевич, ломоть вчерашнего хлеба медом. Придвинув к дивану журнальный столик, она постелила на него чистую скатерть и принесла завтрак.

– Эх, хлеб уже подсох, – вздохнул старик.

– Я сейчас пойду в поселок, куплю вам свежего, – откликнулась Алина. – Может, еще что вам надо? Лекарства?

– Лекарства у меня все, Алиночка, мед, чай да работа. Не надо ничего аптечного. Все у меня есть. Только хлеба, будь добра. И это... Я там топор бросил. Убери его, голубушка, на место. В сарае есть ящик для инструментов, ты знаешь. Неуважительно бросать топор на улице.

– Сделаю, Петр Евсеевич, – отрапортовала Алина и пообещала вскоре вернуться.

Дорога с горки будто сама ложилась под ноги. Девушка бежала по ней легко, едва ли не вприпрыжку. То, что сосед прихворнул, огорчало, но все же не портило яркого, как день, настроения. Морская картина стояла перед глазами, словно гигантское полотно, до тех пор, пока Алина не свернула налево. Теперь солнце било не в глаза, а целовало горячими поцелуями разруганную щеку.

Алина поздоровалась с жителем углового дома, хоть и не знала имени этого мужчины с бородой и вечно взъерошенными русыми волосами. Нередко девушка видела его на террасе за мольбертом. Но сегодня мужчина, одетый в темно-синий халат и с кофейной чашкой в руке, просто задумчиво любовался видом.

Возле третьего в переулке дома Алина заметила карету «Скорой помощи» и невольно замедлила шаг. Опять. Раз-два в неделю девушка стабильно видела возле этого одноэтажного домика, прячущегося за выкрашенным в солнеч-

но-желтый цвет забором, машину, от которой веяло бедой. Кто живет в этом доме? Одинокий старик вроде соседа Кириллова, который страдает повышенным давлением или сахарным диабетом и не может самостоятельно дойти до врача? Алина поймала себя на том, что опять старается проплыть мимо «Скорой» торопливо и незаметно, испытывая угрызения совести, будто это она повинна в болезни хозяина домика с солнечным забором. Не в болезни повинна, а в том, что не оказывает помощь, хотя могла бы... Девушка на секунду зажмурилась и задержала дыхание, как перед прыжком в воду, силясь отогнать непрошенные мысли, что и старику Кириллову она могла бы помочь куда быстрее, чем травяная настойка.

Нет, она поклялась себе, что больше не возьмет в руки кисть. Алина пробежала переулочек, который не любила еще и по другой причине – из-за углового пустующего дома, выставленного на продажу. Вернее, не из-за самого дома, дом выглядел вполне ухоженным, а из-за странного и отчего-то пугающего ее сооружения в виде мачты. Когда-то давно кто-то выкрасил старый столб, на котором еще сохранился колоколообразный «абажур» с крупной лампочкой-грушей, в пожарный цвет, обрезал провода и приделал к верхней части «мачты» деревянную «корзину». С последней свешивалась веревочная лестница с деревянными перекладинами. Алине даже страшно было представить, что кто-то взбирался на такую верхотуру, хотя вид на море из дозорной «корзины» на-

верняка открывался захватывающий. «Мачту», похоже, никогда не реставрировали, потому что краска со временем облезла, ее куски повисли на досках «корзины» и на столбе крупной чешуей, под которой язвами обнажилось потемневшее дерево. Веревки лестницы обтрепались, сгнившие и переломленные перекладыны щерились острыми обломками, которые не обтесали ни ветра, ни дожди. Сооружение казалось Алине таким пугающим, как застрявшая между рифами грот-мачта затонувшего корабля. Разве что не хватало водорослей и облепивших дерево ракушек. На «мачту» было страшно смотреть, но тем не менее она притягивала взгляд. И каждый раз, проходя мимо этого дома, Алина боролась с двумя противоположными желаниями – зажмуриться и поскорей проскочить неприятный участок пути и, наоборот, приблизиться и рассмотреть сооружение до деталей в смелой надежде, что, может, оно перестанет казаться ей таким отталкивающим.

Она с облегчением выдохнула, когда наконец-то вышла на центральную дорогу, ведущую к небольшой прибрежной зоне с магазином и тесным кафе. Этот маленький поселок в Краснодарском крае, льющийся, словно ручеек, с горы к морю, был малолюдным, туристы сюда не заглядывали. Может, потому, что на карте его не отметили даже ничтожной точкой. Всего в двадцати километрах отсюда, в городе, куда и съезжались в сезон отдыхающие, жизнь бурлила. Здесь же царило затишье. Может, со стороны выглядело странным,

почему молодая женщина двадцати пяти лет выбрала для проживания излишне спокойный поселок, когда могла бы поселиться в местном центре культуры и развлечений. Но Алина устала от мегаполиса и сознательно искала уединения.

В магазине никого, кроме худой, будто высохшей, продавщицы не оказалось. Алина с улыбкой поздоровалась со скупающей за прилавком женщиной и выбрала для соседа еще горячий, прямо из печи, багет, а для себя – буханку серого хлеба и пару плюшек к чаю. Когда девушка, расплатившись за покупку, повернула к двери, вдруг услышала за спиной предостерегающий шепот продавщицы:

– Сегодня – полнолуние.

– Простите? – оглянулась Алина. Продавщица смотрела на нее со смесью странной жалости и сочувствия.

– Полнолуние, говорю, – повторила та и подняла брови.

– Да... – растерялась девушка, не понимая, на что намекает женщина.

– Двери хорошо закрывайте. И окна, – вздохнула продавщица и повернулась к вошедшему в булочную новому покупателю – молодому мужчине. Алина поспешила выйти на насыщенную морской свежестью улицу.

Отщипнув от своей буханки кусочек, она положила кисловатую ароматную корочку в рот и медленно прожевала. Соблазн прогуляться вдоль моря, любуясь на плещущиеся у каменистого берега волны, был велик, но девушка помнила о прихворнувшем соседе, который не столько ожидал свежего

хлеба, сколько, может, помощи. Поэтому Алина, не задерживаясь, повернула к ведущей в гору дороге. Она уже почти пересекла прибрежную часть поселка, когда ощутила внезапный озноб и ломоту в костях, какие бывают при заболевании гриппом. Но надежда на то, что ее всего лишь сразил вирус, растворилась в тошнотворном головокружении. Алина еще успела бросить взгляд на ближайшую лавочку, но добраться до нее уже не смогла.

...Она умирала. Оранжевые всполохи жадно облизывали сухие ветви, подползая к босым ногам и наполняя нестерпимым жаром все тело, заставляя его извиваться в тщетных попытках отсрочить мучительную смерть. Растрепавшиеся волосы облепили взмокшее лицо и прикрыли обнажившуюся из разорванной рубы грудь. Она кричала – не от боли и страха, а от вопиющей несправедливости, хоть и понимала, что вызывать к разуму ополоумевшей толпы бесполезно. Еще вчера к ним приходили со своими бедами горожане, а сегодня те же люди с лицами, распаленными жаром от костра, с улюлюканьем наблюдали за ее гибелью. Ее крики только раздражали заполнившую площадь толпу, но не вызывали ни малейшего сочувствия. «Ведьма! Гори, ведьма!» – выкрикнул кто-то в безумном экстазе, и толпа подхватила вопль. «Ведьма! Ведьма! Сгинь, ведьма!» И она сгинет – на потеху предавшим ее горожанам, привязанная цепями к столбу и заключенная в огненное кольцо. В тот момент, когда пламя

обожгло ее ноги, а в волосах затрещали искры, она сквозь пелену дыма и слез увидела того человека, который и погубил ее. Он стоял в первом ряду и в отличие от толпы не выкрикивал проклятия. Черная маска скрывала половину его лица, открывая только бородку и сжатые в тонкую линию губы. Он следил за ее казнью, не отводил взгляда, глаза его холодно блестели в прорезях маски, и в их изумрудной зелени отражались огненные всполохи. Этот полный ледяного спокойствия взгляд причинил ей боль куда более сильную, чем огонь. Она подавила рвущийся наружу новый крик и, собрав остатки сил, плюнула в сторону мужчины в маске, сопроводив сухой плевком проклятием...

Алину привело в чувство прохладное прикосновение к лицу. Девушка открыла глаза и увидела склонившегося над ней мужчину. Оказывается, она лежала прямо на земле, а незнакомец стоял перед ней на коленях. Он хмурился, и в его светло-карих глазах плескалось беспокойство. Когда мужчина заметил, что девушка пришла в себя, он отдернул от ее щеки руку. Алина внезапно пожалела об этом, потому что прохлада его ладони приносила ей успокаивающее облегчение. Пожалела и удивилась, потому что ей никогда не нравились чужие прикосновения к лицу.

– Как вы себя чувствуете? – спросил мужчина. Голос у него оказался приятным. Алина пошевелилась, проверяя, цела ли, а затем осторожно села. Затылок ныл, видимо,

ушибся при падении. Но в целом, если не считать этого и легкой слабости, она была в порядке.

– Хорошо, – ответила она незнакомцу. Он перевел дух и улыбнулся, отчего его симпатичное лицо сделалось еще привлекательней.

– Я шел следом и увидел, что вы внезапно покачнулись. Я бросился к вам, но не успел. Вы упали и потеряли сознание. Вызывать вам врача?

– Нет-нет, не стоит! – горячо запротестовала Алина, но машинально коснулась затылка, проверяя, не разбила ли голову при падении. Нехорошо как вышло... Упасть прямо на улице!

Мужчина будто вздохнул с облегчением. Но продолжал настаивать:

– Вы ударились. Нужно, чтобы вас осмотрел врач. К тому же вы отчего-то потеряли сознание. От солнечного удара или...

– Я не позавтракала. – Алина сморщила нос. – На диете, понимаете. Кажется, перестаралась с голодовкой.

– Куда вам еще на диете сидеть! – возмутился ее спаситель. – Стройная до прозрачности! О боги, вас, наоборот, откармливать нужно! Простите, не хотел вас обидеть...

– Не обидели, сделали комплимент, – рассмеялась Алина, надеясь на то, что ее смех прозвучит непринужденно. Мужчина подал ей руку, помогая встать. А когда она поднялась на ноги, задержал ее ладонь в своей.

– Может, вас проводить? – спросил он, окинув ее коротким, но оценивающим взглядом.

– Спасибо, но я себя хорошо чувствую, – повторила Алина, улыбкой смягчая отказ.

– Пригласил бы вас в кафе, раз вы не завтракали. Но вы же и от завтрака откажетесь? – без всякой надежды спросил он.

– Сегодня откажусь. Тороплюсь. Но в другой день – почему бы и нет?

– Завтра? На этом месте, в десять утра.

– Хорошо, – кивнула Алина. Особых планов у нее не было. Так почему бы и не позавтракать в обществе любезного и симпатичного незнакомца.

– Тогда до завтра! – обрадовался он.

Алина кивнула и торопливо извинилась:

– Простите, мне в самом деле пора. Спасибо вам за беспокойство и помощь!

Она сбежала от него, наверное, излишне торопливо. И когда уже отошла на приличное расстояние, спохватилась, что так и не спросила имени своего спасителя. Это «знакомство» без имен странным образом подняло ей настроение. И пусть Алина по-прежнему чувствовала сильную слабость, вместо того чтобы бороться, как случалось раньше, с тревогой, вызванной видением, она улыбалась.

Старик Кириллов хлеб принял с благодарностью, но от чая, который девушка предложила ему приготовить, отказался. Более того, вежливо, но твердо дал Алине понять, что

хочет остаться в одиночестве. Хотя обычно ее обществу бывал рад. Девушка не обиделась – мало ли какие у старика могут быть на то причины? Может, он хочет отдохнуть. Но когда она уже выходила из комнаты, сосед окликнул ее:

– Алиночка, не забудь сегодня закрыть хорошо все двери и окна.

Она оглянулась и удивленно спросила:

– Почему?

– Буря будет, – буркнул Кириллов недовольно, чем вызвал у Алины воспоминания месячной давности. Она только приехала в поселок и занималась разбором коробок, когда к ней постучался сосед. «Закройте этой ночью все окна. Буря будет», – сказал старик, прежде чем успел представиться. И буря действительно тогда случилась. За окном завывал ветер, о стекла бились ветви и царапали с пугающим скрежетом жестяной подоконник, собаки в ту ночь скулили и выли так, что сердце леденело от ужаса. Если ожидается похожая буря, неудивительно, что местные жители торопятся предупредить об этом новую жительницу. Только вот связано ли ожидаемое ненастье с полнолунием, о котором упомянула продавщица?

– И это, шторы поплотней задерни, не высовывайся, – добавил старик и отвернулся, давая понять, что разговор окончен. Алине ничего не оставалось, как покинуть его дом.

Машину пришлось оставить у подножия мыса и подниматься по узкой тропе пешком. И хоть гора была пологой, это восхождение каждый раз давалось Герману нелегко, а сегодня и вовсе показалось мучительным. Нога еще с утра давала о себе знать ноющей болью, а к ночи разболелась так, что и по дому ходить сложно. Что уж говорить о таком восхождении! Но отменить поездку Герман не мог. И теперь поднимался, стиснув зубы и сильнее, чем обычно, налегая на трость. Ее наконечник глубоко врезался в не просохшую после недавних дождей землю, оставляя вмятины-пятаки, затвердевшие слепки которых еще долго будут напоминать о нем. Герман старался не думать о том, что ему еще предстоит подъем по винтовой лестнице маяка, и, чтобы отвлечь себя от мрачных мыслей, обратил все внимание в слух. В обманчиво-вкрадчивом шепоте моря он различал басовитые ноты поднимающегося из глубин гнева. А может, просто так казалось из-за надвигающейся ночи. Какое отношение имеет море к тому, что вот-вот случится? Никакого.

Дойдя до смотровой площадки, Герман остановился, но не для того, чтобы дать ноге отдохнуть, а, как обычно, полюбоваться видом. В этой части мыс нависал над морем, небольшой пляж, который так любили туристы в сезон, становился невидим, и поэтому легко можно было вообразить

себя на носу гигантского лайнера. Герман не раз наблюдал, как люди, подойдя к перилам, огораживающим край площадки, раскидывали в стороны руки, словно в культовой сцене «Титаника». В такие моменты он невольно усмехался и обещал себе как-нибудь закачать на телефон саундтрек из фильма, чтобы затем над кем-нибудь подшутить. Вид морской глади, сливающейся вдаль с небом, обычно наполнял его умиротворением, но в этот вечер ни шорох плещущихся у каменного пьедестала волн, ни червонно-золотой диск солнца, краем уже окунувшийся в темные воды, ни зефирные облака не вызвали в душе покоя. Герман оббил о край перил налипшую на кончик трости грязь и продолжил путь.

Захар словно почувствовал приближение гостя и, покинув свой «капитанский мостик» – маячную комнату, вышел навстречу. Герман с облегчением вздохнул: можно будет переговорить снаружи и избежать подъема по винтовой лестнице. Он махнул зажатым в свободной руке пакетом, приветствуя пожилого мужчину. На фоне каменной громады маяка смотритель казался игрушечной фигуркой.

– Ну, здравствуй, здравствуй, – заулыбался в седые усы Захар и раскинул руки, желая обнять гостя.

– Ты будто знал, что я приеду.

– Ну а как иначе?

Они крепко обнялись, и Герман, как случалось всегда, на короткий момент ощутил желанный покой. Когда старик разжал руки и отступил на шаг, Герман протянул хозяину

маяка пакет с гостинцами – шоколадными конфетами, чаем, пряниками и коробкой с зефиром. Захар очень любил сладкое.

– Балуешь меня, – проворчал, не скрывая удовольствия, смотритель. – Идем? Чайник поставлю.

– Может, здесь поговорим?

– Торопишься? Или...

– Или, – усмехнулся Герман. – Не пытай уж подъемом. Хотя бы сегодня.

– В маяке изначально лифт задумывался, но что-то не сложилось, – пробормотал, словно оправдываясь, старик. – Ну, пойдем тогда в нашу говорильню.

«Говорильней» Захар называл небольшое бетонное строение за маяком без окон и проемом без двери, предназначенное для каких-то хозяйственных нужд. Смотритель как-то принес туда пару старых стульев и журнальный столик, на который водрузил керосиновую лампу. И безликое кубоподобное сооружение превратилось в своеобразную беседку.

Они прошли к сооружению по узкой дорожке, которую аккуратный Захар всегда содержал в чистоте и порядке. Высокому Герману пришлось пригнуться, когда он следом за хозяином входил в помещение, чтобы не задеть макушкой низкую притолоку.

– Может, принесу-таки нам чаю? – предложил смотритель.

– Нет, Захар, я тороплюсь. Хочу вернуться до темноты.

Сегодня полнолуние.

– Мог бы остаться у меня, – проворчал старик.

– Не сегодня, – категорично отказался гость и без перехода произнес: – Я видел сегодня ее. Эту девчонку. Новенькую.

Старик тяжело вздохнул, словно на его плечи разом обрушился груз всех прожитых лет. А затем привстал и нагнулся через стол к гостю:

– Герман, оставь эту затею. Ты ничего не поправишь.

– Ты не понимаешь...

– Хорошо понимаю! – перебил его Захар.

– И все же...

– Герман, лучше уезжай отсюда! – В голосе смотрителя послышался металл, но гость и не думал сдаваться.

– Нет, – отрезал он.

– Упрямец! По-хорошему, надо бы и девочку предупредить.

– И не вздумай!

Захар надолго замолчал, словно что-то обдумывая. Его взгляд блуждал по потемневшей от сырости стене напротив него.

– Тебе пора, Герман. Уже темнеет, – наконец вымолвил смотритель. – Спасибо за гостинец. И заезжай, когда... будешь в другом настроении.

– Когда в другом настроении будешь ты, – усмехнулся гость. И, хромая, направился к выходу.

– Береги себя. Особенно этой ночью, – напутствовал ста-

рик. Герман лишь вскинул кулак и молча вышел.

Буря той ночью разыгралась нешуточная. Забравшись под одеяло и оставив ночник включенным, Алина слушала завывания ветра и треск обламывающихся под ураганными порывами сучьев. Ее переполнял не столько страх, сколько беспокойство – не сорвет ли ветром черепицу, не сломается ли растущее перед домом лимонное деревце. Стекла в окнах были надежно защищены ставнями, но ветер стучал в них с таким гневом, что те дрожали под его силой. Вдали ревело раненым зверем море, и его рык пробивался сквозь закрытые окна. Кажется, в прошлое полнолуние буря по накалу страстей уступала сегодняшней.

Уснуть в таком шуме было невозможно, поэтому Алина пробовала читать. Но постоянно отвлекалась от сюжета на происходящее за окном. В какой-то момент поняв, что чтением себя не увлечет, она отложила книгу и отправилась на кухню за чаем.

Когда Алина пересекала прихожую, между завываниями ветра вдруг различила легкие шаги, словно некто топтался за входной дверью. Девушка испуганно замерла, прислушиваясь, – на самом ли деле кто-то находится на пороге ее дома или это всего лишь шум непогоды? Какое-то время она не слышала ничего, кроме ветра и стонов деревьев. Но когда вновь направилась к кухне, за дверью кто-то вполне разли-

чимо вздохнул. Алина похолодела. Калитку она заперла, но перелезть через ту не составляло труда. Хорошо, что дверь в доме надежная, а на окнах ставни. Алина постаралась успокоить себя тем, что она в безопасности, но в этот момент в дверь раздался деликатный стук. Тук-тук-тук – три раза, а затем последовала пауза, словно тот, кто находился снаружи, прислушивался. Затем стук повторился. Алина едва подавила желание погасить свет и посмотреть в глазок. Остановило ее лишь то, что тогда тот, кто стучался к ней, понял бы, что его услышали. Девушка на цыпочках прокралась на кухню и затаилась там, прислушиваясь, не повторится ли шум.

Не повторился. Но тот, кто находился за дверью, будто услышал, что она переместилась из прихожей, и постучал теперь в ставню кухонного окна. Алина непроизвольно вжалась спиной в стену. Стук не повторился, но раздалось царапанье по наружному подоконнику, словно кто-то водил по нему чем-то острым и металлическим.

– Уходите! – выкрикнула Алина, поняв, что скрываться бесполезно. – Я сейчас вызову полицию!

За окном снова громко вздохнули. И в этот момент в доме погас свет. Следом завyla соседская собака, и ее горестный плач повторили другие.

– О, боже, – простонала девушка. – Пусть это поскорее закончится! Пусть поскорее наступит утро!

Страшная какофония из стонов ветра, воя собак и скрежетания по подоконнику, сопровождаемого вкрадчивым по-

стукиванием по ставням, парализовала ее. Удерживаемая на месте страхом, Алина испуганно вжималась в стену, вместо того чтобы отправиться в спальню за оставленным на тумбочке мобильным и позвонить... Кому? Соседу Кириллову? Правильней было бы в полицию. Алина собрала остатки решимости и в потемках, стараясь не наткнуться на мебель, проскользнула в комнату. К счастью, мобильный удалось найти быстро. Только вот связи не оказалось. Алина трижды набрала нужный номер, но соединения так и не произошло. Наверное, из-за бури случилась авария не только на электростанции. Был велик соблазн забраться под одеяло и свернуться под ним калачиком со святой верой, как в детстве, что это спасет ее от монстров. Но она уже не ребенок и не сможет успокоиться, зная, что кто-то расхаживает под окнами ее дома. Алине ничего не оставалось, как вернуться на кухню и, имитируя телефонный разговор, громко, стараясь, чтобы голос не дрожал от страха, произнести в темноту:

– Алло, полиция? Приезжайте срочно! Кто-то пытается вломиться в мой дом!

Она подождала немного, прислушиваясь к тому, что творится за окном, а затем еще громче добавила:

– Да-да, адрес! Весенняя, двадцать восемь! Приезжайте скорее!

Алина замолчала, надеясь, что тот, кто скребся в ее окно, услышал «телефонный разговор» и теперь уйдет. И точно, снаружи раздался еще один тяжелый вздох, и шум утих. Али-

на вернулась в спальню, но лежала без сна еще долго. Только тогда, когда на рассвете внезапно замер ветер и умолкли собаки, она смогла успокоиться и наконец-то уснуть.

Проснулась она позже обычного, рывком села на кровати и схватила с тумбочки телефон. Проспала, но не катастрофично, на часах было только половина десятого. Страх развеялся в сером свете пасмурного дня, оставив после себя лишь неприятный осадок. Алина распахнула окно. О том, что ночью бушевала буря, напоминали разве что несколько валявшихся на дорожке обломанных веточек да опрокинутый набок пустой цветочный горшок. День просыпался лениво и неохотно, марал серым небо и наполнял свинцовой густотой море. Тишина ватным туманом окутывала поселок, не раздавалось ни побрекиваний собак, ни шарканья соседской метлы. Видимо, старик Кириллов все еще хворает. Алина решила заглянуть к нему после завтрака. Но, подумав о завтраке, внезапно вспомнила о приглашении мужчины, который вчера ей помог. Она в панике заметалась по спальне, на ходу застилая одеялом расхристанную постель и выхватывая из шкафа первое подвернувшееся. За пять минут Алина успела умыться, почистить зубы, переодеться в джинсы и кофточку и расчесать достающие ей до поясницы волосы цвета темной меди. Еще пять ушло на то, чтобы замаскировать следы бессонной ночи и придать лицу свежий вид с помощью консилера и румян. Из дома Алина вышла за десять

минут до назначенной встречи. Сегодня ей как никогда хотелось чьего-нибудь общества после напугавшей ее ночи. Ей хотелось поговорить о случившемся хоть с кем-то, поделиться пережитым страхом, чтобы окончательно избавиться от него. Пусть даже с малознакомым мужчиной. Пусть даже с продавщицей в местной лавке. Хоть с кем-то.

По дороге ей никто не встретился. Дома слепо шурились закрытыми ставнями, из-за которых не раздавалось ни звука. Даже псы попрятались по конурам и не приветствовали проходящую мимо их дворов Алину ленивым тьявканьем. Поселок и без того был тих и малочислен, но сегодня он словно вымер.

На условленном месте никто ее не ждал. И почему-то Алина не удивилась этому. Видимо, опустевшие улицы ее уже предупредили. Однако то, что незнакомец не пришел, неприятно ее задело. Алина подождала для приличия с четверть часа, а потом отправилась дальше в тайной надежде, что прибрежная часть поселка встретит ее жизнью.

Напрасно. Закрытыми оказались даже единственное кафе и магазин. Алина почувствовала себя так, словно она проснулась в одиночестве на огромном корабле посреди моря. Куда все подевались? Почему все закрыто? Может, сегодня какой-то праздник, о котором она не знает?

Девушка не стала возвращаться домой. Предчувствуя, что небольшая набережная так же безлюдна, как и поселок, она отправилась вдоль дороги на поиски остановки. Сосед гово-

рил, что до туристического города в двадцати километрах отсюда можно доехать на идущих из крупного центра автобусах. Искать долго не пришлось: остановка располагалась в пяти минутах ходьбы и пряталась в изгибе дороги у подножия поросшей лесом горы. Судя по всему, остановкой пользовались нечасто, потому что представляла она собой лишь проржавевший остов с сорванной наполовину крышей, под которой находились две оставшиеся от лавочки бетонные опоры. Ни расписания, ни карты маршрута тут не наблюдалось, поэтому Алина решила, что подождет не больше получаса и вернется домой.

Ей повезло. Фырчащий и кашляющий дымом старый автобус вынырнул из-за поворота уже минут через пять. Алина проворно вскинула руку, и автобус, немного проехав вперед, остановился. С шумом распахнулась передняя дверь, Алина поднялась в салон. Водитель назвал стоимость проезда и, отрывая билет, заметил:

– Эта остановка недействующая, девушка. Я затормозил, но другой бы проехал мимо. Могли бы здесь и заночевать.

– А где действующая? – спросила Алина, схватившись за поручень, потому что автобус тронулся с места.

– Ближайшая – в пяти километрах отсюда. Других остановок на этом участке нет.

– А как же местные жители до города добираются? – удивилась Алина.

– О каких местных вы говорите, девушка?

– Из Гористого.

– Они уже давно не ездят в город.

– Водитель, останови у «Стройматериалов»! – раздалось из салона. Алина оглянулась и увидела тяжело пробирающуюся по проходу тучную женщину.

– У «Стройматериалов», значит, у «Стройматериалов», – кивнул водитель, теряя к Алине интерес. Полная пассажирка добралась до кабины и поставила на пол большую хозяйственную сумку, перегородившую проход. Алина бочком протиснулась мимо женщины, тут же завязавшей разговор о погоде с водителем, и опустилась на свободное сиденье. Она решила, что спросит у соседа Кириллова, как жители ездят в город за крупными покупками или, например, в кино. Может, у большинства появились свои машины и поэтому отпала необходимость в рейсовом автобусе?

Алина вышла на одну остановку раньше конечной, возле городского рынка. За этот месяц, что она прожила в Гористом, она ни разу не выезжала за его пределы, потому что все необходимое – продукты и бытовую химию – покупала в местечковом магазинчике. Она успела привыкнуть к размеренной жизни маленького поселка, поэтому шум и многолюдность города, сохранявшиеся даже в нетуристический сезон, в первый момент ее оглушили. Но, с другой стороны, после пугающей ночи и зловещей безлюдности, воцарившейся в Гористом, стали необходимым антидотом.

Алина неторопливо позавтракала чаем и горячими слад-

кими блинчиками в кафе возле рынка, а затем, не раздумывая, вошла в гостеприимно распахнутые ворота и отправилась бродить в толпе среди прилавков. Она внимательно, словно придирчивая хозяйка, рассматривала выложенные на каменных прилавках овощи и фрукты, но ничего не покупала. Может, и накупила бы и упругих баклажанов, чтобы приготовить их с орехами, и краснобоких перцев, и румяных яблок, но останавливала перспектива непростой дороги с тяжелой ношей. Аромат, витавший над прилавками со специями и соленьями, разбудил аппетит, поэтому девушка прошла этот ряд как можно скорей, но не удержалась и купила у торговки сухофруктами пакетик с ореховой смесью. Это помогло ей не поддаться искушению в ряду остро пахнущих сыров не купить копченых «косичек» и рулетиков так любимого ею козьего сыра. Рынок соблазнял своими дарами, как опытная портовая женщина аппетитными прелестями – моряков, и Алина лишь порадовалась тому, что не взяла с собой много денег.

Вещевые ряды она прошла быстро: разложенные и развешанные шедевры местных и китайских дизайнеров ее не прельщали. Но возле прилавка с бусинами, нитками и прочей мелочовкой для рукоделий замедлила шаг.

– Возьмите бисер. Ни у кого такого не найдете. Из Турции вожу! – принялась хвалить свой товар пышнотелая торговка. – Или вот мулине, у меня все цвета есть! Здесь не все выложено, вы скажите, какие цвета нужны! Или вам ка-

мушки интересны? Из них такие бусы собрать можно, что все подружки позавидуют!

Но Алину не интересовали ни бусины, названные торговой камушками, ни бисер, ни нитки для вышивания, она уже держала в руке деревянную заготовку матрешки – белесую, шероховатую на ощупь, с темными прожилками. Не очень качественная заготовка. Отшкурить бы дерево до состояния нежной кожи, «познакомиться» с будущей «матрешкой», лаская пальцами отшлифованную поверхность и представляя себе будущий образ – румяное или, наоборот, бледное личико, разрез и цвет глаз, кровавую капельку миниатюрного рта. А может, представить на месте матрешки кого-то знакомого, того же соседа Кириллова, увидеть в белесом пятне его лицо, сделать кисточкой первые прикосновения, а потом вообразить себе боль старика так ясно, как свою, отдать ей собственное тело на растерзание, прочувствовать ее до малейшего нюанса. Разделить на тона, определить ее цвета, перенести на палитру. Обмакнуть в боль кисточку и нанести ее на матрешкину спину. И так, мазок за мазком, избавить старика от недомогания.

А потом бросить матрешку в огонь и сжечь вместе с раскрашенным деревом чужую боль.

Алина так ясно ощутила весь процесс, что почувствовала в собственной спине ломоту, а заготовка в ее ладони неожиданно отозвалась теплом.

– Девушка, брать будете? – поторопила торговка, хмуря

нарисованные черным карандашом брови.

«Да», – воскликнула про себя в порыве Алина.

– Нет, – ответила она с запозданием вслух, с неохотой положила матрешку на прилавок и развернулась, чтобы уйти.

– Сама не знает, чего хочет, – проворчала громко продавщица, но девушка не отреагировала.

Когда она выходила из ряда, по спине неожиданно прошелся озноб, так, словно кто-то буравил ее взглядом. Алина подумала, что это недовольная торговка продолжает глядеть ей вслед, но, когда обернулась, увидела темноволосого мужчину. Незнакомец вовсе не смутился, когда Алина встретилась с ним взглядом, напротив, дал понять, что рад тому, что его заметили. Он усмехнулся и даже поднял приветственно ладонь, словно Алина была его старой знакомой. Она же, напротив, поспешно отвернулась и прибавила шагу.

На выходе из базара ее вниманием завладел небольшой киоск, обвешанный выцветшими на солнце плакатами с предложениями экскурсий. И хоть Алина изначально не планировала задерживаться в городе, она подошла к киоску и принялась изучать предложения. Туристический сезон еще не наступил, поэтому выбор экскурсий был небольшой, из имеющихся Алину привлекли лишь две – на маяк и к дольменам. Но когда она поинтересовалась у молодой девушки расписанием, выяснилось, что поездки на маяк нет ни сегодня, ни завтра, а вот к дольменам можно отправиться уже через час. Алина вытащила деньги, оставив себе лишь на об-

ратный билет, и расплатилась.

– Хороший выбор! – услышала она, когда с билетом и цветным буклетиком в руке отходила от киоска. Мужчина, чье внимание она привлекла на рынке, остановился в трех шагах от нее. Его усмешка и прищур сбивали с толку – на самом ли деле он одобряет ее выбор или иронизирует?

– Спасибо, – на всякий случай ответила Алина.

– На маяк и я могу вас свозить, – продолжил мужчина. – И провести экскурсию куда интересней, чем гид. Есть у меня там знакомства.

– С чего вы решили, что я хочу с вами на маяк? – удивилась наглости незнакомца Алина. Самоуверенные и напохристые мужчины ее отталкивали. А этот, похоже, относился именно к этому типу. Мужчина хоть и обладал привлекательной внешностью, чертам его лица недоставало мягкости: слишком резко была очерчена нижняя челюсть, слишком плоскими казались кривившиеся в усмешке губы, а ноздри прямого тонкого носа – излишне хищно вырезанными. И прищур глаз, цвет которых Алина не смогла сразу определить, тоже не показался ей добрым. Одет мужчина был стильно – в темные брюки, черное полупальто классического кроя и начищенные до блеска туфли. В одной руке он держал щегольскую тросточку с посеребренным набалдашником. Видимо, как решила Алина, носил мужчина трость из желания подчеркнуть свою стильность. Самоуверенный «денди» местного разлива – совсем не тот тип, который мог

бы ей понравиться.

Алина ожидала, что в ответ на выпад мужчина вступит с нею в навязчивый диалог, пытаясь завоевать ее расположение, но незнакомец вдруг подошел к киоску и наклонился к окошечку.

– Билет на дольмены, будьте любезны, – проговорил он почтительно-вежливо и без ожидаемых Алиной «барышня», «красавица» и тому подобных обращений, которые уверенные в своей неотразимости мужчины адресуют женскому полу. Он говорил так, словно просил билет не на экскурсию, а в ложу Большого театра.

– Спасибо, – так же вежливо поблагодарил он кассира, когда девушка протянула ему буклет. И, не удостоив Алину больше ни словом, сильно хромая, удалился.

* * *

Ради девчонки пришлось тащиться на экскурсию, хоть он назубок знал те сказки, какими потчуют местные гиды туристов, изображать глубокий интерес к теме и стараться сохранить серьезное лицо при виде одной из экскурсанток, «заряжающей» возле дольменов закупленные на рынке гипсовые амулеты. Герман был готов поспорить на деньги, что эта дама с большим удовольствием «подзарядилась» бы сама внутри дольмена, как некоторые полоумные фанатики, если бы могла протиснуть в узкое оконце свои далеко не маленькие га-

бариты. Заметив, с какой завистью экскурсанта скользя взглядом по тощей девчонке, ради которой он поперся в гору, Герман мысленно к денежной ставке добавил свою драгоценную трость, ставя на то, что «амулеты» дама «заговаривает» на похудение. Судя по их количеству, даме угрожала бы анорексия, если бы только волшебная сила дольменов не была так сильно преувеличена.

Остальные экскурсанты тоже развлекались как могли. Молодая пара, хихикая и толкаясь, в те моменты, когда гид отворачивалась, просовывали в дыру то наручные часы (чтобы проверить, пойдут ли стрелки быстрее), то мобильный телефон (будет ли действовать как прежде?), то пластиковую бутылку с водой (зарядить, никак иначе). Спутник дамы с амулетами вообразил себя фотографом и снимал каждый дольмен раз по двадцать из позиций, которым бы и йог позавидовал. И только одна девчонка, словно школьница-отличница, слушала гида внимательно и даже пару раз задала вопросы. Будь у нее с собой блокнот, она бы наверняка принялась конспектировать.

На него девушка делано не обращала внимания. Только дважды Герман поймал ее взгляд. В первый раз – злорадный, когда в начале пути он неудачно вступил в жидкую грязь и измазал ботинок. И во второй раз на крутом подъеме в гору, когда отстал от всех. Девчонка оглянулась, и в ее взгляде Герман вдруг увидел беспокойство и сочувствие. Впрочем, может, ему показалось, потому что девушка тут же отверну-

лась и продолжила свой путь так легко, словно ежедневно совершала подобные восхождения.

Что сказать, путь ему и в самом деле давался непросто. Всю экскурсию Герман в душе клял и девчонку, невольно устроившую ему такой «экстрим», и собственную недуманность, и неподходящие для таких походов одежду и обувь. И ладно бы на девицу приятно было смотреть, а то ведь редкостное страшилище. Маленькая и тощая, как неоформившийся подросток, а лицо – все в густой россыпи ржаных веснушек, будто она загорала с дуршлагом на лице. За такой пятнистостью и черт не разглядеть. Только волосы, пожалуй, у нее красивые – густые, темно-медные, крутыми волнами спускающиеся до самой поясницы. Впрочем, рыжие девушки Герману тоже никогда не нравились. Когда он впервые ее увидел, не смог сдержать разочарованного вздоха. Впрочем, тут же и напомнил себе, что девчонку он не в жены брать собирается, и то, что она страшенькая, даже лучше. С сердечными привязанностями морока только.

Но, хромая в гору следом за всеми, Герман опять пожалел о том, что девица такая неказистая. Будь у нее хоть пятая точка поаппетитней, глядишь, шагал бы он в этой малочисленной цепочке не последним, а третьим – сразу за гидом и рыжей. И куда бодрее бы шагал, с улыбкой, а не с кислой миной, вызывая ненавистные ему сочувственные взгляды.

Когда, спустя два часа, они наконец-то спустились к подножию горы, Герман едва подавил порыв немедленно отпра-

виться к крошечной стоянке, на которой припарковал машину, и уехать. Вместо этого он нагнал оставшуюся в одиночестве девчонку.

– Давайте подвезу вас!

Она уставилась на него с таким негодованием, будто он предложил ей что-то непристойное, а затем решительно ответила:

– Спасибо, нет. Я живу рядом.

– Рядом – это в двадцати километрах, в поселке, в который общественный транспорт не ходит? – усмехнулся Герман. – Впрочем, я заметил, как вы резво шагали в гору, так что не сомневаюсь, что и двадцать километров для вас – пустяки.

– Откуда вы знаете, где я живу? Вы что, за мной следили? – Девушка сверкнула глазами, которые, как и волосы, тоже у нее оказались красивыми – светло-ореховыми, почти янтарными, с темной радужкой и обрамленные неожиданно черными для ее масти ресницами.

– Не следил, видел на остановке, когда проезжал мимо. Согласитесь, запомнить вас довольно просто.

Она выдохнула, словно его придуманное объяснение ее успокоило.

– Решайте, уговаривать я не буду. Мои добрые порывы исчезают так же мгновенно, как и возникают. Если вы желаете шагать по шоссе двадцать километров, вперед!

Герман сделал вид, что собирается уйти.

– Погодите! – спохватилась девица, как он на то и надеялся. – Говорите, общественный транспорт не ходит? А как же?.. Хорошо! Я согласна.

Он не помог ей подняться в высокий – под его, но никак не под ее рост – джип. Лимит рыцарских поступков у него сильно ограничен. Рыжая залезла сама и завозилась, устраиваясь на пассажирском сиденье рядом с ним. По ее суетливым движениям и опущенному взгляду несложно было догадаться, что в его обществе она чувствует себя крайне неловко. Герман подождал, когда пассажирка пристегнется, и только после этого завел двигатель.

Долгое время они ехали молча. Тишина в машине несколько не напрягала Германа, а вот девицу, похоже, изрядно. Она вздыхала, пялилась в окно с деланным интересом, шевелила губами, читая про себя совершенно ненужные ей названия на указателях. И в итоге сдалась первой:

– Как вас зовут?

– Герман.

– Необычное имя.

– Пушкина не читали? – усмехнулся он, и девица моментально залилась густой краской, почти скрывшей ее веснушки.

– Читала, конечно.

Она снова отвернулась к окну, и Герман даже немного ее пожалел.

– А вас как зовут?

– Алина.

– Тоже нечасто встречающееся имя.

– Так звали мамину школьную подругу, – со значением произнесла девица, словно Герман должен был знать, о какой подруге идет речь. А затем сменила тему: – А что, до Гористого транспорт редко ходит? Мне водитель сказал, что остановка там уже не действует.

– Не ходит.

– А как же местные жители? Они в город не ездят? А если им что-то надо? На тот же рынок? – зачастила, осмелев, вопросами пассажирка.

Герман помолчал, обдумывая ответ, а затем выдал первое, что ему показалось подходящим:

– Те, кому надо, пользуются собственным транспортом. И подвозят соседей. Вот и весь секрет.

– Я так и подумала, – кивнула рыжая и повернулась к Герману вполоборота: – Я заметила, вы сильно хромаете...

Ну вот, начинается. Он стиснул зубы и свернул с шоссе на одноколейную дорогу, ведущую к поселку.

– Что у вас с ногой? – продолжала допытываться рыжая.

– Ничего такого, что могло бы заслужить внимания. Вашего.

– Простите, я не хотела вас обидеть, – на этот раз краска залила не только ее щеки, но и шею, и маленькие уши, за которые девушка убрала волосы.

– Меня не так легко обидеть. Но развивать эту тему мне

бы не хотелось.

– Хорошо.

– Я высажу вас на въезде. Дальше доберетесь без приключений?

– Да-да, конечно, – закивала девица и вновь засуетилась. – Сколько я вам должна?

В ее руке, покрытой, как и лицо, веснушками, оказался кошелек. Герман усмехнулся и мотнул головой:

– Оставьте деньги при себе.

– И все же?

– Если так настаиваете, приглашу вас пообедать.

– Но...

– Да не смущайтесь же так! Ваше лицо уже полыхает ярче волос. Обедать я собираюсь не вами, а с вами. И это будет вовсе не свидание, не надейтесь. Завтра в час я подъеду к старой остановке. Договорились?

Девица пробормотала что-то невразумительное. И хоть определенного ответа так и не дала, Герман почти не сомневался в том, что она придет. Но на всякий случай решил подстраховаться и, когда рыжая повернулась, чтобы закрыть дверь, бросил:

– Однажды жители поселка, в котором вы живете, куда-то ушли. Все до единого. Через какое-то время они вернулись, но не все. И никто так и не знает, что там случилось. Всего доброго вам, Алина! Завтра в час на остановке.

Герман подарил ей самую приятную улыбку, на какую был

способен. И когда она, ошеломленная, закрыла дверь, тронулся с места.

Он мечтал только об одном – добраться поскорей к себе, не обедая, броситься на кровать и провести остаток дня без движения. Но, видимо, в этот день он вел себя чрезвычайно плохо. Либо, наоборот, лимит везения оказался исчерпан, потому что, когда он остановил машину во дворе, раздался звонок от Захара.

– Герман? – голос старика звучал приглушенно, словно тревога погасила в нем все звонкие ноты. – Герман, приезжай срочно!

– Что случилось, Захар? – обеспокоился мужчина, быстро перекладывая телефон из правой руки в левую и вновь заводя двигатель.

– Приезжай. Увидишь.

– Через десять минут, Захар! Еду!

Герман еще не успел произнести до конца последнюю фразу, а смотритель уже отключил вызов.

Поднимаясь в гору, Алина с радостью подмечала незаметные на первый взгляд признаки возвращающейся в поселок жизни. То трепетавшее на веревке в одном из дворов свежестыранное белье. То сидевшего на заборе полосатого кота. То еле слышное урчание мотора, доносившееся из-за приотворенной двери гаража. Поселок словно просыпался после долгого сна, неспешно открывал ставни-веки, позевывал с шумом, выдыхая через печные трубы дымок-пар, поскрипывал ворчливо, как старик, калитками и подмигивал отражающимися от блестящих поверхностей солнечными бликами. Мужчина с бородой вновь выставил на террасу мольберт и монотонно наносил на холст мазки. Спокойствие и радость, утраченные во время короткой поездки с Германом, вернулись с прогулкой по поселку. К дому Алина подошла, забыв о неприятном осадке, вызванном неприветливостью и колючестью подвезшего ее мужчины. Из соседского двора доносился знакомый стук топора и щелканье раскалываемых под ним полешек. Алина с улыбкой толкнула калитку и крикнула:

– Петр Евсеевич!

Старик Кириллов, услышав ее голос, отложил топор и приветственно махнул рукой.

– Как вы себя чувствуете? Не рано ли для вашей спины

колоть дрова?

– Не рано, девочка. Без дела спина совсем заржавеет. Чувствую я себя прекрасно, спасибо. Растирка помогла.

– Похоже, это не настойка, а волшебный эликсир! – воскликнула Алина.

– Так и есть. Чай будешь со мной пить?

– Нет, спасибо, Петр Евсеевич. В другой раз.

Усталость навалилась на нее внезапно, растеклась свинцом по телу, сделав его тяжелым и неповоротливым. То ли причина была в горном воздухе, которым она вдоволь надышалась на экскурсии, то ли ее утомила дорога, а может, энергетика возле загадочных дольменов оказалась тяжелой для нее, но Алина неожиданно ощутила упадок сил.

– Я устала, ездила в город, ходила на рынок, была на экскурсии. Да и ночь выдалась непростой. Никак не могла уснуть. Кстати, кто-то ко мне стучался! Я хотела позвонить в полицию, но не было соединения.

Старик Кириллов посмотрела на Алину водянистыми, в красных прожилках глазами так внимательно, словно сомневался в ее словах, а затем качнул головой:

– Наш поселок – безопасный. Буря была сильной, да, но не думаю, что кто-то мог тебя побеспокоить. Чужих у нас нет. А все местные переживали непогоду в своих домах. По радио предупредили о буре, а мы знаем, какие они тут бывают. Скорей всего в окно стучала ветка.

– Возможно, – согласилась Алина, не пожелав спорить со

стариком.

Она попрощалась с соседом и отправилась к себе. Одно из окон было закрыто ставнями, и Алина еще издали увидела на ярко-синей краске темные полосы. Девушка торопливым шагом приблизилась и коснулась пальцами одной из пяти полос, процарапанных настолько глубоко, что поврежденной оказалась не только краска, но и поверхность дерева. Борозды были кривыми, широкими и располагались на таком расстоянии, словно их оставили растопыренные пальцы. Алина приложила руку к полосам и убедилась, что ее ладонка лишь не намного меньше ладони неизвестного вредителя. Девушка невольно содрогнулась. Как бы сосед Кириллов ни сомневался в том, что к ней в дом мог кто-то ломиться, вот наглядное тому доказательство. Но какими же острыми и крепкими должны быть ногти у того человека, чтобы повредить не только слой краски, но и дерево! Пожалуй, такой крепостью обладают лишь звериные когти. Но следы явно оставлены человеческой рукой, а не лапой! Только вот что выглядит более пугающим – ночной визит неведомого зверя или одичавшего человека, Алина не могла бы сказать. Ее пугало все. Она торопливо скрылась в своем домике-крепости и распахнула все ставни, пуская в помещение солнечный свет. Но не успела она включить чайник, как услышала звонок. Старик Кириллов обычно выдавал одну длинную трель. Сейчас же кто-то позвонил коротко и дважды. Алина вышла во двор и увидела за калиткой вчерашнего мужчину,

имя которого она так и не успела спросить.

– Привет! – поздоровался гость немного смущенно.

– Как вы меня нашли? – спросила девушка и тут же усмехнулась нелепости своего вопроса. В таком маленьком поселке все друг друга знают. Найти недавно поселившегося человека, который к тому же обладает приметной, как у нее, внешностью, не так уж сложно.

– Это было нелегко, – притворно вздохнул мужчина. – В нашем большом городе половина населения – красивые рыжие девушки. Я проделал долгий путь и вот наконец...

Они оба рассмеялись, и неловкость, которая возникла в первый момент, треснула, как тонкий ледок.

– Пришел просить прощение за то, что не явился к завтраку. Увы, возникли непредвиденные обстоятельства. Дико, дико извиняюсь! – С этими словами молодой человек достал из-за спины конфетную коробку и протянул ее через калитку оторопевшей Алине.

– Евгений, ты уже знаком с моей соседкой? – раздался привычный голос соседа, который, отложив топор, наблюдал за ними поверх своего забора.

– Выпала такая честь! – галантно ответил Евгений. – Здравствуйте, Петр Евсеевич!

– И тебе здоровья. – Пожилой мужчина подошел к забору, разделяющему два участка. – Смотри, Женя, мою соседку не обижай! Она девушка очень хорошая, мы с ней дружим, и я за нее – горой.

– Ну что вы, Петр Евсеевич! – делано обиделся гость. – Наша общая знакомая еще подумает, что у меня плохая репутация. Разве это так?

– Не так, – улыбнулся старик и кивнул девушке. – Алиночка, можешь смело приглашать этого юношу на чай, за его репутацию я ручаюсь! Лучше уж с молодым и интересным человеком чаю выпей, чем со мной – скучным стариком.

– Ну зачем же вы так о себе, Петр Евсеевич? – улыбнулась Алина и открыла калитку. – Может, вы к нам присоединитесь? Проходите оба, сейчас поставлю чайник.

– Да нет уж, Алиночка. Зачем я вам там сдался? – засмеялся в усы старик. – С тобой мы как-нибудь в другой раз покалякаем. Евгений, а ты смотри, девушку сильно не утомляй, она после долгой экскурсии, уставшая.

– Ой! Так, может, в другой раз? – спохватился парень.

Но Алина сделала приглашающий жест и, когда Евгений вошел, аккуратно прикрыла за ним калитку.

Она сама себе удивлялась – той легкости, с какой приняла гостя, той непринужденности, с какой начала с ним разговор, и той радости, которая плескалась теплой волной в груди, пока заваривался чай. Ей казалось, что предательство любимого человека и его проступок оставили на ее сердце черную отметину и она еще долго не сможет чувствовать себя в обществе мужчины так просто и естественно.

– Так, значит, ты на экскурсию к дольменам ездила? – любопытствовал Евгений, когда Алина принялась разливать

по чашкам густо заваренный чай. Они сразу же перешли на «ты», словно были знакомы давно.

– Мне стало тревожно: улицы будто вымерли, ни одного человека, и я уехала в город.

– Сегодня воскресенье, – сказал, наморщив лоб, Евгений. – Наш поселок живет по старым правилам: в воскресенье все закрывается, и люди отдыхают. Это только мне пришлось ехать на работу.

Причину, почему он не пришел к назначенному месту утром, гость открыл Алине сразу: Евгений трудился ветеринаром в городской клинике, и его вызвали оперировать проглотившую острый предмет собаку. То, что мужчина работает в городе, опровергло встревожившие Алину слова водителя автобуса о том, что жители не выезжают из своего поселения.

– Жаль, что не я свозил тебя на экскурсию. Но ничего, еще, надеюсь, покажу интересные места. Если захочешь.

Алина с улыбкой кивнула. Захочет. Она силилась отогнать от себя неприятную мысль, что симпатия к Евгению возникла так быстро не только потому, что он такой приятный и симпатичный, но еще и потому, что похож на Сашу – внешне, голосом и даже мимикой. Странную штуку играет с ней это сходство: и напоминает о предательстве, но в то же время будто его стирает. Словно ей дан второй шанс прожить несложившиеся отношения по-другому, так, как она мечтала.

– Что-то не так? – встревожился мужчина, заметив, как Алина нахмурилась.

– Нет-нет, все так! Просто... Да, я с удовольствием куда-нибудь с тобой съезжу. Что тут еще можно посмотреть?

– Красивые бухты, к примеру. Маяк.

Маяк. Он тоже предлагает поездку на маяк. Что ж, с Евгением она бы съездила, его общество ей было куда приятней, чем компания язвительного и самовлюбленного Германа.

– Кстати, знаешь, что с этими дольменами тут не так давно был связан скандал? – спросил Евгений, беря из коробки конфету. – Экскурсовод об этом не упомянул?

– Нет.

– Понятно. Скандал на самом деле вышел некрасивый. Дольмены – это наше достояние, историческая ценность, гордость. А не так давно объявился некий то ли историк, то ли археолог, а по мне, так самозванец, и заявил, что дольмены наши – фальшивые.

– Как это? – удивилась Алина.

– Ну, будто им не более шести сотен лет, и созданы они обычными людьми. Какие-то исследования пытался провести, дабы доказать свою версию. И начал раскопки. Жителям даже пришлось выйти на акции протеста.

– Нет, ничего такого не слышала, – покачала головой девушка. – Правда, кто-то на экскурсии упомянул, что жители нашего поселка однажды куда-то ушли на несколько дней, но никто не знает, куда и зачем. Это правда?

Легкая тень набежала на лицо мужчины, на мгновение погасила обаятельную улыбку, и Алина успела пожалеть о своем опрометчивом вопросе. Но Евгений тут же вновь улыбнулся:

– Правда! Как я уже сказал, мы протестовали против раскопок, поэтому не только проводили митинги, но и поднимались в горы – охранять нашу ценность, дольмены. Разбили палатки и провели в лесу несколько суток.

– Надо же... И как, добились своего?

– Не совсем, – вздохнул Евгений. – Раскопки все же начались. Правда, доказать тому псевдоархеологу ничего не удалось.

– И слава богу! – выдохнула Алина, ощутив неприязнь к неизвестному ей выскочке. За те два часа, что она провела на экскурсии, девушка успела прочувствовать особую атмосферу, царившую возле дольменов. Нет, она, конечно, не «подзаряжалась» возле них, как одна из туристок, до такого фанатизма не успела дойти. Но была у этих каменных «домиков» некая таинственная аура, которая пленила Алину. Нельзя было не восхититься тем, что этим нехитрым на первый взгляд каменным сооружениям уже несколько тысяч лет, что созданы они были, возможно, давно вымершей цивилизацией. А загадка их устойчивости вопреки всем оползням и селевым потокам и вызывающие мурашки предположения о предназначении дольменов – то ли древние склепы, то ли «жилища» духов – только добавляли всему ми-

стичности. Алине захотелось расспросить Евгения подробней о том, что знал о дольменах он (экскурсия экскурсией, но местным жителям наверняка известно больше), но мужчина вдруг с сожалением вздохнул и поднялся с места.

– Мне пора, Алина. Ночью заступаю на дежурство. В нашей клинике на ночь остается врач. Сегодня моя очередь. Зато завтра вечером я свободен. Если пожелаешь, можем вместе поужинать. Я тебя приглашаю.

Алина кивнула, соглашаясь, и лишь потом вспомнила, что ее уже пригласили на обед. И хоть обедать с Германом ей категорически не хотелось, но она чувствовала себя немного обязанной за то, что он ее подвез. К тому же хотелось узнать то, о чем не договорил этот тип при прощании.

* * *

– Они никогда не уходили так далеко. Тем более не спускались сюда, – сказал взволнованно Захар, пока Герман внимательно осматривал серые полосы, оставленные на белой стене маяка.

– Думаешь, это они?

– Хотелось бы думать, что нет. Но кто еще мог оставить эти царапины?

– Мало ли... – обронил Герман, выпрямляясь.

Захар лишь хмыкнул, затем достал из одного из многочисленных карманов жилета смятую пачку и закурил. Сига-

рета дрожала в его непослушных пальцах, и Герман, заметив это, нахмурился. Ему не доводилось раньше видеть Захара таким взволнованным. Старый смотритель, просоленный и задубленный морскими ветрами, всегда казался ему невозмутимым и крепким, как скала.

– За тебя мне тревожно, вот что, – ответил на его мысли Захар. – Я-то чего уж – старик, мне все равно. А вот ты еще мальчишка.

– Не такой уж и мальчишка, – проворчал Герман, отряхивая брюки. – Возраст Христа.

– Вот это меня тоже волнует, – невпопад добавил старик и затянулся так сильно, что закашлялся.

– Не курил бы ты столько, Захар, – упрекнул его Герман, когда смотритель, откашлявшись, вытер покрасневшие от набежавших слез глаза.

– Всю жизнь курю, едва ли не с малолетства. И чего уж, сейчас, под закат жизни, лишать себя одной из немногих радостей? Жизнь мне это все равно не продлит. Да и не хочу жить больше отведенного. Ты не уводи меня в другую степь, парень! Я тебя позвал не нотации мне читать.

– А чего ты от меня ждешь, Захар? Происхождение этих царапин спорное.

– А вот что ты на это мне скажешь? – сказал старик и поманил мужчину за собой. – Иди вон глянь, какие тут еще «художества» оставили. Боюсь, не мне, а тебе они адресованы.

Герман отправился за смотрителем, обогнул часть башни и остановился возле западной части маяка.

– Гляди вон чего понаписали, – проворчал Захар, кивая на стену.

Герман перевел взгляд и, заметив надпись, вздрогнул. Внутри будто что-то оборвалось. Он ожидал увидеть что угодно – новые царапины или какую-нибудь похабщину, на-малеванную хулиганами (он все еще надеялся, что царапины были оставлены хулиганами), но никак не выведенную темно-бурым печатную букву «Д» с пиковым знаком рядом.

«Герман, значит? Ну что ж, Герман, я не Лизавета Ивановна, а пиковая дама. Не боишься, что погублю?» – всплыла в памяти фраза, произнесенная с легкой усмешкой, от которой сердце тогда едва не выпрыгнуло из груди. Сколько лет-то прошло? Тринадцать? А будто все было вчера. Потом эта острота про пиковую даму обратилась интимной деталью в их с Викой отношениях. Оставляя помадой на зеркале ему записки, она вместо подписи рисовала этот знак. Давно это уже было – ее написанные помадой признания, подшучивания над его именем. А вроде и недавно. Отношения ушли, шутки еще дотянули до того момента, когда для них не осталось повода. А пиковый знак так и остался, оказывается, отпечатком в его сердце. Любовью ли оставленный, обещанием – не в этом суть.

– Герман? – тихо позвал Захар, возвращая его в настоящее.

– М-м?

– Ты понимаешь, что это значит?

– И понимаю, Захар, и не понимаю. – Герман поскреб уголок буквы ногтем, ожидая соскрести помаду, но символ оказался нанесен чем-то другим.

– Кровью, гад, нарисовал, – снова угадал его мысли старик и кивнул куда-то в сторону. – Вон, голубь растерзанный.

– Это не может быть Вика, – глухо ответил Герман не столько на слова старика, сколько своим закипающим болью мыслям. – Не может быть она.

– И тем не менее... Ты знаешь, что с нею стало.

– Не знаю, лишь предполагаю. Захар, черт тебя подери, это может быть кто угодно! Местные хулиганы.

– Надеюсь, что так.

– Еще что-то есть или сюрпризы на сегодня закончились? – отрывисто произнес Герман, глядя в сторону, чтобы не встречаться с пронизывающим, как вечерний ветер, взглядом старика.

– Сюрпризы на сегодня закончились, – вздохнул Захар. – Пойдем, чаем напою. Замерз? Похолодало.

– Я к холодам, как и к жаре, привычен, – отмахнулся мужчина. – Но пойдем. Хоть лезть на твою колокольню у меня особого желания нет. Находился уже сегодня по горам.

– Можем посидеть в говорильне.

– Да ладно уж, пойдем. Подумаешь, одним подъемом больше, – усмехнулся Герман и первым направился к входу.

– Чего это тебя в горы понесло?

– Это не меня, а девчонку. На дольмены ей охота было поглядеть. А я полез следом. Плюс завязал с ней знакомство. Минус – не особо она нашему знакомству и рада.

– А если узнает, ради чего к ней такой интерес, так и во-все разгневается, – проворчал Захар, поднимаясь за гостем по винтовой лестнице. – Бросил бы ты это дело, Герман. Видишь, какая каша заварилась? А заварится еще гуще. Оно тебе надо?

– Надо, раз до сих пор тут торчу. А теперь, после того что ты мне показал, только убедился в этом.

– Царапины могли оставить хулиганы. Сам же сказал.

Герман промолчал, упорно продолжая покорять лестницу. И, лишь дойдя до нужного пролета, остановился.

– Завтра я встречаюсь с этой девушкой. Алиной.

– Не переупрямишь тебя, – сердито буркнул Захар, проходя мимо гостя к жилому помещению. – По-хорошему, предупредить бы ее надо.

– Еще рано, Захар.

– Не веди себя как мальчишка! Тебе Вики мало?

– Вика, похоже, о чем-то знала еще с самого начала. И что? Помогло ли это ей? Напротив.

Захар длинно и тяжело вздохнул. После чего оглянулся на гостя, небрежно привалившегося плечом к дверному косяку:

– Привези ее ко мне познакомиться.

– Не завтра.

– Какая она хоть из себя?

– Девчонка. Лет двадцати. Или двадцати с небольшим.

Рыжая, как огонь.

– Час от часу не легче. Двадцать! Не знаю, как тебя вразумить.

– Лучше не ворчи, а помоги.

Захар посмотрел на него долгим взглядом, который Герман выдержал, а затем отвернулся.

– Узнай о ней все, что можешь. А там видно станет.

Ее звали Исабель Гарсия, но отец, в память о матери, которой так нравилось чужеземное имя, звал ее Элизабет. Была она дочкой почитаемого в городе и за его пределами человека – аптекаря Гильермо Гарсия. Недавно ей исполнилось шестнадцать, и была она так хороша собой, что слава о ее красоте едва не опережала известность ее отца-аптекаря. Отец говорил, что красоту Элизабет унаследовала от своей бедной матери, отдавшей жизнь ради рождения малютки. Нередко случалось, что отец, обернувшись на голос дочери или сам окликавший ее, занятую хозяйством, ошибочно называл Элизабет именем покойной супруги. А потом спохватывался и, глядя увлажнившимися глазами на дочь, с гордостью и затаенной болью выдыхал, что она невероятно похожа на свою мать: тот же гибкий стан и изящные белые руки, те же крупные и темные, как ночь, глаза, черные волосы и яркий, словно кровавая рана, маленький рот. Только вот характером и пытливостью ума дочь пошла не в свою кроткую молчаливую мать, а в отца. Упрет руки в бока, топнет ножкой, нахмурится и сделает по-своему. Да и страсть испытывала она не к домоводству, а к отцовскому делу. Впрочем, Гильермо в этом сам ей потакал: позволял любимой дочери с малолетства присутствовать в святой святых – лаборатории. Верша волшебство, он занимал

маленькую Эли рассказами о процессах перегонки и прочих, а потом стал доверять мелкую работу – то попросит растолочь в ступе травы, то отмерить воду для капель. И так уж стало, что аптечная утварь занимала Элизабет куда больше домашней, да и учеником она, к гордости и одновременно беспокойству отца, оказалась более способным, чем остальные. Гильермо ворчал, что не к лицу молодой сеньорите разбираться в составах, отварах и ядах. Но, однако же, сам и поощрял пытливість дочери, гордился ее умом едва ли не больше, чем красотой. И не спешил отдавать дочь замуж, хоть и сватались к ней.

В тот вечер, когда раздался деликатный стук в дверь, Элизабет собирала на стол ужин, ожидая прихода отца от больного. Поздние визиты в их дом были не редкостью, горожане зачастую будили отца и ночью. Вот и в тот вечер к ним пожаловала служанка сеньоры Марии за анисовыми каплями для своей госпожи. Элизабет наполнила флакончик и приняла за него несколько монет. Но когда служанка, рассыпавшись в благодарностях, ушла, из темноты вдруг вышел высокий мужчина.

– Тише, сеньорита, – поторопился успокоить он вскрикнувшую от испуга девушку. – Я не причиню вам вреда. Мне нужен сеньор Гильермо Гарсия.

– Это мой отец, – ответила Элизабет, с облегчением переведя дух. Всего лишь один из нуждающихся в помощи горожан, не разбойник и грабитель. – Но его нет дома.

– Я проделал долгий путь, – сказал незнакомец. – Жаль уходить ни с чем.

– Отец находится у больного. Но должен вернуться скоро. Вы могли бы его подождать, – предложила она и пригласила мужчину войти.

К удивлению Элизабет, привыкшей к тому, что состоятельные горожане отправляли к аптекарю по своим надобностям слуг, гость оказался не простолюдином. Одет он был как знатный господин, в черный бархатный костюм с золотой вышивкой. К его поясу с левой стороны была пристегнута шпага, к правой – цепочкой крепился кинжал. Голову гостя украшал баррет, а в руке мужчина держал перчатки. Был он молод, но не юнец, и весьма привлекателен собой. Элизабет, которая никогда не робела в обществе молодых господ, неожиданно ощутила смущение, когда мужчина окинул ее быстрым, но внимательным взглядом, а затем, словно увиденное ему понравилось, чуть улыбнулся – то ли ей, то ли своим мыслям. Поняв, что неловкая пауза затянулась, девушка спохватилась и предложила гостю присесть в удобное кресло и утолить жажду прохладным вином. Мужчина вновь улыбнулся, чем вызвал новый приступ смущения, но в это время раздался скрип приоткрывшейся двери.

– Отец! – бросилась к вошедшему в помещение Гильермо Элизабет – излишне порывисто, будто к спасителю. И тут же устыдилась своей импульсивности. Аптекарь одалжил дочь ласковым и чуть укоризненным взглядом и перевел

его на гостя.

— Доброй ночи, сеньор Гарсия, — глубоким голосом с чуть вибрирующими интонациями поприветствовал аптекаря гость. — Прошу прощения за поздний визит, но дело не терпит отлагательств.

Он сделал деликатную паузу, которую Гильермо расценил верно.

— Элизабет, дорогая, принеси нам вина и сыра.

Обычно, когда отец деликатно отсылал ее, Элизабет не обижалась. Но на этот раз ее желание узнать, кто этот молодой господин и с каким делом к ним пожаловал, оказалось таким сильным, что она испытала досаду. Однако перечить отцу не стала и отправилась за вином и сыром.

Когда она вошла с угощением, отец и гость разом замолчали, и этот резко оборванный при ее появлении разговор одновременно обидел Элизабет и еще больше разжег ее любопытство. Но она сдержанно, как полагается хорошей хозяйке, кивнула, поставила тарелку, сняла с подноса чаши и разлила по ним прохладное вино. А затем так же молча удалилась, но, уходя, украдкой оглянулась на гостя. И неожиданно встретила его взгляд. Элизабет вышла, аккуратно притворив за собой дверь, и, только поднявшись к себе, поняла, что улыбается.

Как ушел гость, она не услышала, хоть прислушивалась к тому, что происходит внизу. Отец сам поднялся к Элизабет и спросил, готов ли ужин. Девушка надеялась, что за

ужинком речь зайдет о таинственном госте, она узнает его имя и цель визита. Но отец был молчалив, как никогда, и чем-то заметно встревожен. Однако, когда Элизабет спросила о причине его беспокойства, он рассеянно улыбнулся и ответил, что думает о больном, которого навещал.

Мысли о таинственном незнакомце занимали Элизабет все последующие дни. Ее задумчивость и не присущая ей рассеянность не остались незамеченными, девушка не раз ловила на себе встревоженный взгляд Гильермо, но, когда она вопросительно вскидывала брови, тот, будто желая избежать ее расспросов, поспешно отворачивался. Однажды ранним утром отца позвали к занедужившей молодой супруге булочника. Торопливо собираясь, Гильермо угрюмо молчал и, уже уходя, пробормотал себе под нос, что должен был отнести сверток в таверну «Три кота». У Элизабет, случайно услышавшей тихое бормотание отца, сердце застучало так громко, что она уже не услышала адресованных ей слов. И когда отец ушел, бросилась разыскивать таинственный сверток. Вон он, спрятанный за большой склянкой, с пометкой о том, что за зелье приняты три монеты.

Город, просыпающийся в лучах восходящего солнца, казался в то раннее утро Элизабет прекрасным, как никогда. Даже узкие, будто каналы, каменные улочки, в которых и днем, и ночью господствовал сумрак, выглядели светлыми и широкими, словно стены домов внезапно расступились. Солнечные блики отражались от серого камня, вызывая у Эли-

забет улыбку. Узкие улицы ручейками сливались к круглой, как озеро, площади, над которой возвышался, уходя острыми куполами в поднебесье, собор Девы Марии. Элизабет торопливо перекрестилась, а затем подала монету покрытому язвами нищему, расположившемуся на нижней ступени лестницы.

Таверна находилась в противоположном конце города. Элизабет никогда не бывала внутри и, когда вошла в помещение, пожалела о своем опрометчивом поступке. За длинными деревянными столами, несмотря на столь ранний час, уже сидели с огромными кружками постояльцы. Едва Элизабет перешагнула каменный порог, к ней тут же со всех сторон устремились взгляды – оценивающие, бесцеремонные, раздевающие. Она вспыхнула и, будто икону, прижала к себе сверток. Один из постояльцев, угрожающей внешности, с налитыми кровью глазами и косматой бородой, отпустил в ее адрес сальную шуточку, вызвавшую громкий хохот сидевшего рядом с ним соседа. На счастье испуганной Элизабет, к ней вышла хозяйка – грузная немолодая Тереза, и грубым мужским голосом спросила, что посетительнице надо. Когда Элизабет объяснила причину визита, Тереза молча махнула ей рукой, приглашая следовать за собой, и проводила к узкой лестнице с выщербленными ступенями. Поднимаясь за хозяйкой, девушка слышала громкое уханье собственного сердца. Но не страх перед грубыми мужланами был уже тому причиной. От мысли, что она сейчас с гла-

зу на глаз встретится с таинственным незнакомцем, ноги слабели и дрожали. Элизабет споткнулась и едва успела ухватиться за перила, чтобы не упасть. Но Тереза даже не оглянулась на нее. «Я отдам сверток. Лишь отдам сверток и уйду», – твердила мысленно, будто успокоительную молитву, девушка. Но волнение с каждой преодоленной ступенью становилось лишь сильнее.

Незнакомец, будто зная о визите девушки, вышел из своих комнат и поджидал ее на верхней площадке лестницы. Он не казался удивленным.

– Сеньорита, вы сегодня еще прекрасней, – произнес он вместо приветствия своим глубоким голосом, заставившим сердце Элизабет заколотиться еще быстрее. Он был хорош собой, удивительно хорош – с причесанными по моде черными волосами, с аккуратно подстриженной бородкой, так идущей к его чеканному профилю, и необыкновенно яркими зелеными глазами. Он улыбнулся Элизабет так открыто и радостно, будто и не было для него большего счастья, чем ее визит. И она от избытка чувств совершенно позабыла, зачем сюда пришла...

Алина вынырнула из сна так внезапно, будто разбуженная резким звоном будильника. В не закрытое ставнями окно заглядывала любопытная луна, отражалась в полированной створке шкафа и разливала серебряное озеро света по деревянным половицам. Алина села на кровати, подтянув к

груди колени и обхватив их руками. Сердце колотилось так быстро, как во сне, щеки лихорадил румянец. Сон показался ей настолько реальным, что Алина не сразу сообразила, где она и как очутилась в этой комнате, когда еще вот только что находилась на верхней площадке лестницы в темной таверне.

Сны, в которых Алина видела себя темноволосой девушкой из другой эпохи, виделись ей с детства, но имя той красавицы она узнала совсем недавно. Сызмальства она видела этот старинный город с узкими улицами, оправленными в серый камень угрюмых домов, и круглой площадью с высоким собором. Иногда ей снилось таинственное помещение с полками, на которых стояли бутылки, бутылки и горшочки, и виделась маленькая черноволосая девочка, замороженно глядевшая то на поднимающийся от котла цветной пар, то на бурлившую по изогнутым трубкам жидкость. Алина выросла, и вместе с ней «выросла» та незнакомка из ее снов, превращаясь из неуклюжей девочки в юную красавицу. Потом эти сны вдруг прекратились, и Алина решила, что они ушли вместе с детством. Она закончила университет – не медицинский, хоть под влиянием тех снов ей была интересна фармакология. Но затем судьба привела ее на работу в компанию, имеющую отношение к производству медикаментов.

Старые сны вернулись к ней уже здесь, вскоре после того, как Алина поселилась в этом поселке с видом на море. Только теперь она могла увидеть историю о повзрослевшей

дочери аптекаря не только во сне, но и в любое время суток, внезапно отключившись во время какого-либо занятия. В первый раз это произошло во время чтения книги. Алина подняла взгляд от страницы и вдруг увидела перед собой не выкрашенную в белый цвет стену, а полку со склянками. Сморгнула, и все исчезло. Тот случай ее не напугал. Напугал второй, когда Алина готовила обед, повернулась взять нарезанную на доске морковь, а, очнувшись, обнаружила себя уже сидевшей на полу, привалившейся спиной к дверце шкафчика. На огне бурлила вода для супа, морковь с опрокинутой доски рассыпалась по полу оранжевыми кубиками, а сама Алина в первый момент не могла сообразить, что делает в этом чужом помещении, когда она вот только что подавала отцу растолченные в ступке травы. Тогда она и узнала имя девушки из снов – Элизабет Гарсия.

Подобное случилось с ней еще раз, дома. Но вот совсем недавно она упала на улице на глазах у Евгения. Темноволосый красивый незнакомец в ее снах-видениях до тех пор не фигурировал. Но с его появлением видения приобрели атмосферу тревожности. От мужчины веяло опасностью. Но в то же время к нему тянуло. Алина поймала себя на том, что ей хочется увидеть его снова. Она закрыла глаза, надеясь, что сон с незнакомцем и Элизабет вернется, но спать расхотелось совершенно. Тогда девушка накинула поверх пижамы куртку и вышла на террасу. Море сливалось с небом в черный занавес, в верхнем углу которого огромный круг луны с

чуть надкушенным боком, как софит, освещал часть поселка. Многочисленные черепичные крыши домиков казались подернутой рябью водной гладью. Алина замерла, любуясь красотой поселка и совершенно не замечая прохладного ветра. Может, она простояла так, убаюканная тишиной и покоем, еще бы долго с риском подхватить простуду, если бы ее внимание не привлекло движение. Кто-то пробрался во двор пустующего дома на соседней улице и рискнул взобраться по прогнившим и кое-где обломанным ступеням на самую верхушку «мачты». В первый момент Алине подумалось, что этот смелый романтик любит с высоты ночным морем. Но вот неизвестный смельчак развернулся в сторону ее дома, и в руках у него девушка заметила предмет, похожий на подзорную трубу. Озноб прошелся по спине холодным ветром, Алина содрогнулась и поспешила скрыться в доме, не забыв проверить, хорошо ли заперла за собой дверь.

Идти к старой остановке желания не было. Но в этом случае Герман мог пожаловать в гости сам. Видеть его у себя дома Алине совсем не хотелось. Поэтому она решила расставить все точки над «i» и дать Герману понять, что продолжать знакомство с ним не собирается.

Алина еще издали заметила припаркованный у остановки джип. Сам хозяин внедорожника поджидал ее снаружи, небрежно привалившись к боку машины. Девушка замедлила шаг, чтобы немного восстановить сбившееся от быстрой

хотьбы дыхание, и крепче сжала пальцами ремешок висевшей на плече сумочки, как непроизвольно делала в моменты волнения.

– Привет, – без улыбки поздоровался мужчина и бросил взгляд на наручные часы, намекая на ее опоздание. Алина не стала извиняться, просто подчеркнуто вежливо поздоровалась, исподволь оглядывая мужчину. Сегодня Герман был одет в обычные черные джинсы и накинутую поверх зеленого поло ветровку. Обут он тоже оказался в более подходящую для походов обувь – грубые ботинки на рифленой подошве. Трость мужчина, похоже, оставил в машине.

– Я уж думал, вы не придете, – заметил Герман, но без упрека, напротив, с некоторым облегчением. Сегодня он был серьезен и более мрачен, чем накануне.

– Я тоже думала, что не приду, – не стала скрывать она.

– Передумали в последний момент, – понимающе улыбнулся он и, обойдя машину, распахнул дверь со стороны пассажирского сиденья.

– Прошу. Не будем терять время.

– Вы не сказали, куда собираетесь меня везти, – невольно запаниковала Алина. По дороге она успела сочинить монолог, который был хоть и коротким, но пресекал все возможности для продолжения знакомства. Только все заготовленные слова вдруг вылетели из головы. Была ли тому причиной излишняя мрачность Германа или улыбка, которая на мгновение осветила его лицо, словно солнечный луч – пасмурное

небо, и тем самым смягчила черты, сделав их неожиданно привлекательными? Или дело в пронизывающем, будто ледяной ветер, взгляде зеленых глаз? А может, в том небрежном жесте, которым мужчина откинул со лба отросшие черные волосы.

– Везу обедать. Сказал же еще вчера, – лаконично ответил Герман. – Алина, я не собираюсь вас ни похищать, ни покушаться на вашу честь, ни делать еще какие страшные вещи, какие вы успели себе нафантазировать. Мы просто едем обедать. И разговаривать.

– О чем?

– О погоде, – усмехнулся он и на этот раз помог девушке взобраться на сиденье. – Не забудьте пристегнуться. Дорога ожидается неровная.

Алина кивнула и завозила с ремнем безопасности. Поездка неожиданно стала ее интриговать. Что этому мужчине требуется? Сегодня он ведет себя с нею подчеркнуто вежливо, хотя от него и веет холодком. Впрочем, этот холод скорее успокаивал: похоже, Герман и правда не испытывал к ней интереса как к женщине. И это тоже интриговало.

– Вы из Москвы? – спросила Алина, когда джип тронулся с места. – Номера у машины столичные.

Мужчина то ли кивнул, то ли, напротив, качнул головой, не давая прямого ответа. Алина громко вздохнула и отвернулась к окну.

Джип вскоре свернул с шоссе на однопутную, размытую

недавними дождями дорогу. Насколько поняла Алина, этот путь вел в горы. Она бросила встревоженный взгляд на водителя.

– Я знаю один ресторан, в котором подают невероятно вкусные хачапури и свежайшую форель. Но находится он в небольшой горной деревушке, – пояснил Герман, правильно истолковав ее беспокойство. – Несмотря на непростую дорогу к нему, этот ресторан известен. В туристический сезон туда записываются заранее. Я знаком с хозяином, он нас уже ждет. Так что ваше счастье, что вы в последний момент передумали и решили явиться. Иначе бы сыскали обиду этого уважаемого человека на всю оставшуюся жизнь.

– Я не обещала вам, что приду, – резко ответила Алина, задетая его словами. – Так что обижаться, если что, этому уважаемому человеку надо бы на вас. Вернее, на вашу самоуверенность.

Герман, не отрывая взгляда от дороги, улыбнулся и промолчал. Алина же, сердито нахмурившись, вновь отвернулась к окну. Внедорожник тем временем въехал на горный серпантин. Герман сбросил скорость, но все равно у Алины перехватило дыхание от видящейся ей опасности. Дорога была такой узкой, что разъехаться со встречной машиной широкому джипу оказалось бы затруднительно. С одной стороны нависали скалистые стены с редкой порослью, с другой дорогу от пропасти отгораживал ненадежный низкий заборчик. Зрелище с серпантина, без сомнения, открывалось впе-

чатляющее: вдали плескалось темное море, внизу расстилался зеленый ковер горных лесов. Казалось, что джип не едет по узкой дороге, а парит над пропастью. У Алины только от одного ощущения «летающей» машины перехватило дыхание и закружилась голова. Она поспешно отвернулась от окна и устоялась на путь перед собой. Это тоже помогло мало, потому что повороты были крутые, а скалистые ребра, которые огибала дорога, полностью загораживали обзор. Девушка замерла в ожидании, что вот-вот из-за очередного поворота на них вылетит встречная машина, они не смогут разминуться, и тогда их джип действительно полетит в пропасть.

– Что-то вы совсем притихли, – голос Германа в этой напряженной тишине прозвучал так громко и неожиданно, что Алина вздрогнула. – Не хотел напугать вас еще больше, – усмехнулся мужчина.

– Я не боюсь.

– Ну конечно. Не бойтесь. На вашем белом, как мел, лице веснушки выстроились в надпись «Спасите!» и сигналият за три километра.

– Не смешно.

Герман развернулся к ней с улыбкой. Но при этом его зеленые, как неспелый крыжовник, глаза оставались серьезными:

– Серпантин скоро закончится.

– Смотрите лучше на дорогу! – в панике воскликнула Алина.

– Если бы вы взяли такси, то, уверяю, напугались бы больше. Местные водители по этим дорогам несутся, как горные козлы, совершенно не смотрят на дорогу, болтают с пассажирами и при этом жестикулируют. Обеими руками.

– Спасибо за предупреждение. Такси я точно брать не собираюсь.

– Когда вы попробуете форель и хачапури, то измените свое решение.

– Вот уж не знаю, какую цель вы преследуете: поразить меня какой-то неведомо вкусной рыбой или, напротив, поиздеваться и показать, какой вы крутой и бесстрашный? Неужели нельзя было поесть форели, раз вам ее так захотелось, где-нибудь в другом месте?

– Такой – нет. Исключено. А цель перед собой я поставил совершенно другую.

– Какую?

– Ну вот, раз вы снова задаете вопросы, значит, перестали про себя молиться Ангелу-хранителю.

– Я не молилась!

– А зря, – засмеялся Герман. – Здесь нередко разбиваются. В позапрошлом году, говорят, целый автобус с туристами рухнул...

– Прекратите!

– Это вы прекратите так трястись. Машину раскачиваете. Все, вон за тем поворотом серпантин заканчивается.

На счастье Алины, горная дорога действительно оборва-

лась небольшой поляной, за которой виднелось поселение. Они пересекли деревеньку, в которой из живых существ им встретились лишь гуси, кот и привязанный к забору полусонный ослик. А затем выехали на широкий луг с сочно-зеленой, словно подкрашенной акварелью травой. Герман поставил машину под деревянный навес, неподалеку от которого лениво щипали траву козы, и заглушил двигатель.

– Ну и где ваш ресторан? – закрутила головой Алина.

– До него еще дойти надо.

Девушка хмыкнула и вылезла наружу. Хорошо, что для встречи она не стала наряжаться и оделась в джинсы, джемпер и куртку. Замечательно бы она смотрелась на лугу посреди коз в платье и туфлях на каблуках, если бы нарядилась как для обеда в ресторане. Пожалуй, и на встречу с Евгением не стоит расфуфыриваться. На всякий случай.

– Пойдемте, – позвал Герман и направился через луг. Алина с опаской покосилась на подошедших слишком близко к машине коз и, не мешкая, бросилась догонять мужчину. Шел тот настолько быстро, насколько позволяла его хромота, сунув обе руки в карманы куртки и сосредоточенно глядя себе под ноги, словно на какое-то время забыл о приглашенной им девушке. Алина молча зашагала рядом, стараясь не выдать своего беспокойства тем, что ничего похожего на ресторан поблизости не наблюдалось.

– Ресторан за лугом, – сказал Герман, словно прочитал ее мысли, и Алина с облегчением выдохнула. Но, как оказа-

лось, расслабилась она слишком рано, потому что луг внезапно оборвался пропастью, по дну которой бурлила горная река.

– Нам на ту сторону, – сказал Герман и указал рукой на перекинутый над пропастью веревочный мост. Алина в ужасе устояла на потертые веревки, которые соединяли узкие дощечки, затем перевела взгляд на острые грани камней, выступавшие из бурых вод, и решительно замотала головой.

– Нет. Я не пойду. Наслаждайтесь сами вкусом вашей незабываемой форели. Я... не голодна.

С этими словами она развернулась, чтобы уйти, но крепкие пальцы вдруг сомкнулись на ее запястье.

– Не глупите, Алина. Мы проделали такой путь не ради того, чтобы вы в последний момент передумали.

– Вы издеваетесь?! Вы бы еще предложили на тарзанке на ту сторону перелететь!

– Я уже понял, что храбростью вы не отличаетесь. Хотя вчера у меня сложилось о вас иное впечатление. Спуски и подъемы вас отнюдь не пугали, и скакали вы по узким тропкам не хуже горной козочки.

– Вчера под ногами у меня была твердая почва, а не эти гнилые дощечки и потертые веревки!

– Плохого вы мнения о мосте. По нему, да будет вам известно, большая компания туристов пройти может. Идемте! Нас уже ждут.

С этими словами, не давая ей возможности возразить,

Герман ступил на раскачивающийся мост и сделал несколько шагов вперед. Несмотря на хромоту, равновесие он удерживал прекрасно и даже не держался за низко натянутую веревку, заменяющую перила.

– Идите же сюда, – нетерпеливо позвал он, поворачиваясь к замершей в нерешительности девушке, и требовательно протянул ей руку. Решившись, Алина вложила ладонь в его и ступила на раскачивающийся мост.

– Вот и умница! – похвалил Герман и снова улыбнулся. Солнечные блики скользнули по его темным волосам, коснулись, будто ладонью, щеки и заплескались смешинками в зеленых глазах. Если бы не пропасть под ногами, может, Алина бы признала, что этот мужчина все же очень привлекателен – когда не язвит, не хмурится, а улыбается. Но мост раскачивался так, что она еле сдержала испуганное восклицание и зажмурилась изо всех сил.

– Не открывайте глаза. Держитесь за меня и идите следом, – тихо сказал Герман и легонько потянул ее за собой за руку.

– Если мы убьемся, я не знаю, что с вами сделаю! – прошипела Алина. – Черт вас побери!

– Не призывайте черта, пока я вас веду. В целях вашей же безопасности.

– Скоро еще?

– Мы прошли полтора метра. Осталось девяносто восемь с половиной.

– Чертваспобери, чертваспобери! Вас и вашу форель! Чтоб вам...

– Девяносто семь метров, Алина. Девяносто семь – это уже ничто! Вы так храбро прошли целых три метра.

– Молчите уж!

– Я вас подбадриваю! Вы умница, преодолели еще полметра.

– Вы что, специально раскачиваете мост?!

– И не думал. Кстати, вид отсюда открывается шикарный! Жаль, что с закрытыми глазами вы ничего не видите.

– Ай, отстаньте!

Казалось, прошла целая вечность до того момента, когда под ногами Алина почувствовала не хлипкие дощечки, а твердую землю. В тот же момент, как они сошли с моста, Герман выпустил ее руку из своей.

– Ну вот, добрались!

Алина открыла глаза и увидела кривившую губы мужчины усмешку, за которую она тут же его возненавидела. Без сомнений, он выбрал такой маршрут, чтобы посмеяться над ней!

– Только не говорите, что ресторан закрыт. Иначе я скину вас в пропасть.

– Я вам еще пригожусь – перевести обратно. Или желаете тут остаться?

– Герман, послушайте! – негодование придало ей решительности. – Это первый и последний раз, когда мы с вами

вместе обедаем. Мы вообще больше не увидимся, поняли?

– Ой, не зарекайтесь, – ухмыльнулся он и оглянулся на радостный оклик. Алина только сейчас заметила за спиной мужчины небольшую полянку, на которой под голыми деревьями располагались столы и лавки. Может, летом, когда деревья покрываются листвой и создают естественный купол, здесь и красиво, но не сейчас. Ради этой забегаловки они подвергали свои жизни опасности?! Если Герману нравится рисковать – бог с ним. Но она не готова обменять свою жизнь на возможность съесть хачапури.

А Герман уже вовсю смеялся и болтал с грузным невысоким мужчиной с пышными усами и лысой, будто коленка, головой. Поверх одежды на том был повязан темный фартук с масляными пятнами, и Алина сделала вывод, что перед ней или сам хозяин «ресторана», или повар. А может, и тот и другой. Герман, посмеиваясь, что-то рассказывал, и его собеседник, косясь на Алину, закатывался здоровым басовитым хохотом. К своему негодованию, Алина поняла, что смеются они над нею – над тем, как она перебиралась через мост, и покраснела. Если бы не этот чертов мост (кстати, Герман успел упомянуть, что мост так и называется – Чертов. Видимо, не одна Алина чертыхалась на нем), то она бы развернулась и ушла. Но страх пересилил гордость, и Алине ничего не оставалось, как сверлить ненавидящим взглядом своего спутника и ждать, когда отхохочется мужчина в фартуке.

– Ай, девочка моя! Садись сюда, моя хорошая, – засуетил-

ся тот, вытирая руки о передник. – Сейчас Давид принесет тебе покушать. Я сегодня угощаю, Гера, хачапури. Дорогой ты мне гость. И девушка твоя хороша. Настоящая красавица! Береги ее и приводи еще. Хачапури, конечно? И форель! Только выловили. Веришь? Пойдем, покажу. Нет, лучше садись напротив своей девушки, а Давид принесет вам покушать. Моя Гала уже готовит. Как услышала, что вы идете, так и встала к плите. Слышишь, как шипит масло?

Непрерывно болтая и сопровождая свою речь темпераментной жестикуляцией, Давид усадил дорогих, как он заявил, гостей за один из столов рядом с деревянным домиком, из окошка которого доносились пробуждающие аппетит ароматы. Не успела Алина и глазом моргнуть, как на столе появилась бумажная скатерть, а на ней – столовые приборы.

– Домашнее вино. Самое лучшее! – Давид уже разливал по двум стаканам гранатового цвета жидкость.

– Я за рулем, Давид, – отказался Герман, чем вызвал у мужчины шумное негодование.

– Ай, мое вино не пьяное, Гера! Что ты такое говоришь! Разве я тебе враг – поить пьяным вином? Это же чистый нектар, попробуй! Хотя бы попробуй!

Герман, к ужасу Алины, поднес стакан к губам и сделал хороший глоток, а затем зажмурился от удовольствия.

– Вот! Говорю же, нектар! И ты, девочка, пей! Пей немедленно. И до дна!

Она хотела вежливо отказаться и тем самым вызвать оби-

ду хозяина ресторана, но, поймав насмешливый взгляд Германа, успевшего «просчитать» ее реакцию, схватила стакан и махнула половину.

– Ай, хорошо! Умница! Ну как, нектар, да?

Алина кивнула – нектар, нектар. Вино и правда оказалось сладким, ароматным и мягким. Она снова поднесла стакан к губам.

– Осторожно, вино обманчивое, – шепнул ей Герман, когда Давид отошел на зов женского голоса из домика. – Пьется легко, голову оставляет ясной, но ноги потом заплетаются. А нам еще, как вы помните, через мост обратно идти. Впрочем, если вино придаст вам храбрости, то вперед!

Алина только сверкнула на него глазами, но глоточек сделала уже осторожный.

А потом принесли угощение, и она забыла о своей неприязни к мужчине и пережитом страхе, потому что форель и правда была такой нежной, что таяла на языке. А сочные хачапури с ярким желтком в лунке оказались божественно вкусными. Алина ела с таким аппетитом, которого не испытывала уже давно, и даже не стыдилась за него перед Германом. А ему, похоже, ее аппетит очень нравился, потому что он, бросая на нее короткие взгляды, улыбался. Мешали ли ей его взгляды? Только поначалу, а потом то ли вкусная еда сделала свое дело, то ли заструившееся от вина тепло по телу, но Алина расслабилась. Ей даже стало приятно то, что Герман на нее поглядывает. И она даже опять нашла его кра-

сивым. Хотя и совершенно не в ее вкусе.

– Вижу, вы довольно прожорливая, – ухмыльнулся он, когда на ее тарелке от двух рыбин остались только косточки. – Ваша комплекция обманывает.

– Прожорливая, ну и что? – не смутилась Алина, картинно обмакнула кусочек хачапури в желток и отправила в рот. – Хотите сказать, что меня сложно прокормить? Так я обедать с вами больше не собираюсь. Расслабьтесь.

Герман только усмехнулся. Но при этом подвинул к ней тарелку с остатками хачапури.

– Ешьте, ешьте. Я вас не останавливаю. Если честно, мне нравятся девушки с аппетитом.

– Если вы не замолчите, то аппетит мне отобьете.

– Увы, Алина. Молчать не собираюсь. Я же привез вас сюда не только пообедать, но и поговорить.

– Ну, раз так хотите, давайте. Говорите, – вздохнула Алина и отодвинула опустевшую тарелку. Наелась она так, что дышать было трудно, не то что разговаривать. Но сама виновата – накинулась на еду с такой жадностью, словно до этого сидела на долгой изнурительной диете. А Герман вновь стал серьезным и мрачным. Но, прежде чем начать разговор, он попросил хозяина принести им чай.

– Скажите, дом, в котором вы живете, снимаете или купили? – без обиняков спросил Герман, когда Давид отошел от их столика.

– Снимаю, – ответила Алина, подавив желание возмутить-

ся, что это вообще-то ее личное дело. Но, с другой стороны, может, Германа интересует недвижимость в их поселке и ради этого он ее и позвал? Что ж, тогда разговор будет вполне безобидным.

– И как долго вы планируете в нем прожить? – продолжил расспросы Герман.

– А вы что, собираетесь этот дом снять?

– Нет. Отнюдь. – Мужчина снова усмехнулся, словно знал что-то такое, что его забавило, но делиться этим с Алиной не собирался. – Меня интересует, как вы нашли его.

– По объявлению, – пожала плечами Алина. – Захотелось на какой-то период уехать из столицы. Сменить, так сказать, обстановку. Я вошла на сайт и наткнулась на это объявление. Меня все устраивало – место, цена.

– Вы не ответили, на какой срок сняли домик?

– До осени. Пока. А там видно будет.

– А там видно будет, – пробормотал Герман тихо.

– В смысле? – не поняла Алина.

– Ничего. Я вам, Алина, работу хочу предложить. Непыльную и хорошо оплачиваемую. Понедельно.

– Но я не ищу работу! Я неплохо зарабатывала в столице и могу позволить себе долгий отдых.

– Замечательно, Алина, – кивнул Герман и нагнулся к ней через столик. – Вы и дальше можете продолжать отдыхать. Работа, как я уже сказал, непыльная. Раз в неделю обедать со мной...

– Здесь?! И каждую неделю переходить через этот Чертов мост?!

– Нет, что вы, – усмехнулся мужчина, откидываясь на спинку лавки. – Выберем ресторан в городе, в который вам удобно добираться. Предлагаю даже подвозить вас в него. Мы станем встречаться с вами раз в неделю, я буду угощать вас обедом или ужином и платить зарплату. А вы – рассказывать мне, что за эту неделю произошло в вашем поселке. Вот и вся работа, Алина.

– Погодите... – насторожилась она. Но в это время с большим чайником на подносе подошел Давид, и пришлось отвлечься на недолгий разговор с ним. Алина заверила радушного хозяина, что все было очень вкусно и что она еще сюда вернется. Но когда Давид отошел от их стола, улыбка сошла с ее лица.

– Герман, почему вы сами не приедете в поселок и не посмотрите, как там и что? Вас интересует недвижимость?

– Не совсем, – уклончиво ответил мужчина. – Меня интересует жизнь поселка. Вернее, его жители. Что они делают, куда ходят.

– Вы предлагаете мне шпионить за ними?!

– Не шпионить, наблюдать.

– За людьми, которые так хорошо меня приняли? С которыми я даже подружилась?

– И много у вас там друзей? – спросил Герман с непонятной ей усмешкой.

– Ну не так чтобы много...

– Еще бы! Вы бы очень удивились, узнав, что на самом деле там жителей гораздо меньше, чем вы себе представляете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.